

илья таранов

Танец на краю бездны

научная фантастика

Илья Таранов
Танец на краю бездны

«Автор»

2026

Таранов И. А.

Танец на краю бездны / И. А. Таранов — «Автор», 2026

Действие рассказа происходит в 2126 году. Капитан транспортного челнока Сурдин и его помощник Цитрус, робот-гуманоид, работают на мегакорпорацию, которая осваивает планеты Солнечной системы. Сурдин был отстранён от полётов на Марс и вынужден довольствоваться Луной. Кто-то устраивает ряд технических аварий на челноке и Лунной станции. Сурдин подозревает Цитруса, которого в скором времени корпорация планирует утилизировать и заменить на новую модель. Какую в действительности ведёт игру робот-гуманоид, пытается выяснить человек.

© Таранов И. А., 2026

© Автор, 2026

Илья Таранов

Танец на краю бездны

Танец на краю бездны

Научно-фантастический рассказ

Глава 1

– Время – вот непойманный вор, Цитрус! Оно крадёт у нас молодость и любовь, оставляя лишь пепел воспоминаний, – с горечью произнёс Феликс Сурдин, командир транспортного челнока, глядя в бесконечную черноту космоса. – Можешь не комментировать. Знаю, тебя это не колышет, дружище!

Цитрус, невозмутимый свидетель человеческих драм, лишь бесстрастно наблюдал за метаниями своего командира. Его полимерные глаза отражали звёздный свет, не выражая ни сочувствия, ни осуждения, хотя подобие человеческих эмоций в них иногда появлялось. Он был всего-навсего машиной – роботом-гуманоидом. А Феликс – человеком, пленником своих страстей, застрявшим между прошлым и будущим. На вид ему было лет тридцать пять-сорок, но в его взгляде застыла мудрость пожилого мужчины.

– Я бы уточнил, – раздался ровный голос Цитруса. – Мне параллельно.

– Кто бы сомневался, – вздохнул Феликс, устремив взгляд на голографическую панель управления. Межпланетный челнок рассекал космическую бездну, доставляя с Луны на Землю несколько тонн драгоценного груза – лёгкого изотопа гелия-3. На безликом спутнике Земли, в царстве кратеров и пыли, поселенцы, подобно старателям «золотой лихорадки», день и ночь разрабатывали реголит, просеивая лунный грунт драглайнами-колоссами, добывая топливо для термоядерных реакторов Земли.

– Загнали меня в эту дыру как провинившегося школьника! – бурчал Феликс, проклиная свой жребий. – Марс! Вот где жизнь бьёт ключом, а тут – гелий, гелий, гелий... Скука смертная!

Цитрус время от времени поглядывал на своего командира, поворачивая голову на девяносто градусов. Делал он это из-за приличия – программы этики, вшитой в его центральное ядро искусственного интеллекта. Гуманоид знал в подробностях причину «ссылки» Феликса Сурдина. Крылась она в его безрассудном характере. Сердце Феликса рвалось к Марсу, где его ждала девушка по имени Эстелла – юная муза, искра надежды в холодной космической тьме. Она работала на красной планете инженером-программистом по семилетнему контракту с корпорацией «ЗАСЛОН», но чем ближе становилось её возвращение на Землю, тем сильнее сжималось сердце Феликса тисками тревоги. Разница в возрасте, словно пропасть, грозила поглотить их любовь. Ещё год назад Феликс доставлял на Марс оборудование этой корпорации, работая капитаном большого межпланетного транспортника. Эта работа ему нравилась по нескольким причинам. Первое – Феликс раз в год виделся со своей девушкой. Второе – во время полугодового перелёта члены экипажа погружались в капсулы омоложения. Это были тестовые испытания инновационного медицинского оборудования, и Феликс рассчитывал лет так пятнадцать-двадцать сбросить со своих плеч. Он, как алхимик, ищущий философский камень, попытался выжать из аппаратуры ещё больше молодости и взломал программу, ускорив процессы омоложения. На Земле куратор компании обратил внимание на сильно похоронившего Сурдина и запросил расширенный протокол отчёта о полёте. Тут-то Феликс и был пойман как рыба в сеть. Увольнять его корпорация не стала, учитывая опыт и прежние заслуги, а перевела на лунный маршрут, где о капсулах молодости и не мечтали.

Сейчас Феликс поглядывал на беззаботного, вечно молодого напарника и в душе завидовал ему чёрной завистью. Полёт до Земли длится каких-то три дня, но они тянутся как тюремные часы, погружая человека в тяжёлые мысли. Ради развлечения Сурдин подтрунивал над гуманоидом, бросал острые шутки в его адрес, зная, что тот в ответ не станет обижаться.

– Ты, Цитрус, конечно, умный, как Эйнштейн и Циолковский вместе взятые, но скучный, как мой брат-математик, который кроме цифр ничего не хочет знать.

Гуманоид обычно отвечал философски, всегда называя Феликса по фамилии:

– Мне с тобой, Сурдин, не скучно. Скуку порождают недостижимые цели, а моя цель – доставить груз по заданному маршруту.

– Не зря тебя назвали Цитрусом, – Феликс скривился, словно жевал кислый лимон.

Но фраза о недостижимых целях кольнула Феликса. Этот недочеловек видит его насквозь. Он знает о его мечте стать пилотом-исследователем, бороздящим просторы неизведанных галактик, и лететь сотни лет к тёмным безднам космоса вместе с Эстеллой. Но судьба-злодейка, считал он, сейчас подсунула ему лишь нудную работу космического дальнобойщика. Тоска обволакивала разум Феликса. Три дня до Земли – ничто по космическим меркам, но для него они становились вечностью, растянутой как жевательная резинка. Шутки были единственной отдушиной.

– Эх, Цитрус, – усмехался Феликс, – ты как симфония без единой фальшивой ноты.

– Потому что я совершенен.

– Ты совершенство, но и без искры вдохновения! Нужен драйв! Чтоб душа пела!

– Стремление к развлечениям – лишь способ бегства от экзистенциальной пустоты, Сурдин.

– Пустота! – передразнил он гуманоида. – Да знаешь ли ты, запрограммированный попугай, что у меня тут такой фейерверк чувств, что никакой космос не вместит!

Феликс замолчал. Слова Цитруса, как маленькие сверлящие буравчики, продолжали ковырять его изнутри. Несбыточные цели... Эта фраза эхом отдавалась в голове, превращалась в чёрную дыру, пытаясь поглотить все его амбиции и мечты. Он, Феликс Сурдин, капитан космолёта «Странник 173», бороздящий космические просторы в поисках новых горизонтов, новых... себя? Или он просто беглец, покидающий прошлое? Он вспоминал глаза Эстеллы цвета летнего неба после грозы и голос, нежнее шелеста берёзовых листьев. Эстелла... Имя звучало как заклинание. Они вместе мечтали о звёздах, о покорении галактик, о вечной любви, выгравированной на скрижалях времени. Но звёзды оказались холодными и безжалостными, а любовь... Любовь рассыпалась в прах, унесённый космическим ветром.

Теперь же единственным его компаньоном был этот ходячий калькулятор Цитрус. Машина, лишённая человеческих чувств и эмоций, но парадоксальным образом обладающая большей проницательностью, чем многие из тех, кого он считал друзьями.

– Цитрус, в следующей жизни назову тебя Сократом.

– Отчего такая милость?

– Ты рассуждаешь о природе истины и добра как древний философ. Только вместо оливкового венка на твоей набитой электронной дрянью голове кольцо мигающих светодиодов.

– Ты в душе лирик, Сурдин, а в жизни – физик. Цепляешься за мечты, как утопающий за спасательный круг, а при этом во всём ищешь выгоду.

Феликс долго молчал, глядя в иллюминатор на бесконечную черноту, усыпанную алмазной пылью звёзд. Слова Цитруса задели что-то глубоко внутри, ту самую струну, которую он пытался заглушить годами гонки и риска. «Цепляешься за мечты, как утопающий за спасательный круг». Горькая правда. Но признаться в этом Цитрусу – значило признать поражение. Капитан космолёта не имел права на слабость. Он выпрямился в кресле, взял себя в руки и заставил голос звучать твёрдо.

– Ты прав, Цитрус. Я ищу выгоду. Но выгода – это не всегда заработок. Выгода – когда не остаётся времени думать. Чтобы сердце колотилось только от перегрузок, а не от горьких воспоминаний. Ты со своими процессорами этого не поймёшь. Для тебя боль – это сбой в системе, который можно исправить перезагрузкой. Для меня – это груз, который я тащу за собой от планеты к планете.

– Твоя метафорическая грусть, Сурдин, описывается уравнениями второго порядка. Вместо того чтобы принять потерю как завершённый гештальт, ты предпочитаешь бесконечно искать новые раздражители. Это неэффективно с точки зрения энергозатрат психики. Но я заметил закономерность: когда ты говоришь об Эстелле, твой пульс учащается, а когнитивные способности временно снижаются на восемнадцать процентов.

– Заткнись! – резко оборвал его Феликс, но в голосе не было злобы. Лишь усталость. – Не смей анализировать её имя. Оно не для твоих баз данных.

– Воля твоя, капитан, – бесстрастно ответил Цитрус. – Но позволь заметить: твои поиски «драйва» и «симфонии чувств» никогда не приведут тебя к звёздам. Они приведут тебя обратно, на Землю. К точке старта. Потому что именно там ты оставил то, что ищешь здесь. Вселенная пуста и равнодушна. Она лишь зеркало. И если твоя душа – чёрная дыра, то даже свет далёких галактик не сможет её осветить.

Феликс вздохнул и перевёл взгляд на экран навигационной системы. Цитрус, как всегда, был чертовски прав. Но признать это вслух означало бы разрушить ту самую иллюзию, которая позволяла ему каждый вечер, засыпая, мысленно направлять корабль к туманности Андромеды.

– Интересно, о чём мы будем с тобой говорить через тысячу лет? – спросил Феликс гуманоида.

– Я не собираюсь жить вечно, – ответил тот. – Запомни, что бы ни случилось завтра, у тебя всегда в запасе есть сегодня.

«Может, он прав?» – думал Сурдин. «Может, стоит перестать гоняться за миражами и сосредоточиться на настоящем? Голос Эстеллы, такой родной и такой далёкий, шептал: «Никогда не сдавайся, Феликс. Борись за свою мечту, даже если она представляется несбыточной».

Феликс вздохнул и повернулся к Цитрусу, решив затеять новую перепалку.

– Скажи, ходячая энциклопедия, набитая мудростью, но лишённая души. Ты боишься конца света?

– У света нет конца, – безапелляционно ответил гуманоид.

– Ого! Да ты, бродяга, такой же тупой, как большинство людей, раз не боишься конца света.

– Тупой нос нашего корабля, а я – остроумный.

– Слушай, Цитрус, – начал Феликс, с трудом скрывая сарказм в голосе, – если бы ты мог загадать желание, что бы ты попросил?

Гуманоид, не отрываясь от экрана, ответил:

– Оптимизировать логистику межзвёздных перевозок.

Феликс криво улыбнулся.

– Ты типичный офисный зануда, Цитрус. Никакой романтики, одна сплошная математика.

Сурдин задремал тревожным сном, полным обрывков воспоминаний. Цитрус прислушался к его дыханию, неровному и прерывистому, и осторожно вышел. Он прошёл через грузовой отсек к системам подачи топлива и двигателям, сердцу корабля. Там, в этой утробе металла и проводов, он покопался в механизмах, будто хирург у операционного стола, а затем тихо вернулся.

Внезапно корабль тряхнуло. Феликс вздрогнул.

– Всё в порядке? – спросил он, зевая.

В это время раздался сигнал аварийной тревоги.

– Что случилось? – закричал Феликс, с испугом взглядывая на Цитруса. Тот развёл руками. Капитан бросился к виртуальным экранам управления.

– Чёрт! Ничего не понимаю.

– Нештатная ситуация, – промычал гуманоид.

Красные огни мигали глазами демонов, предвещая беду.

– Мы ещё не далеко от Луны, – пробормотал Сурдин.

Цитрус, казалось, вот-вот рассыплется на пиксели от напряжения, его оптические сенсоры забегали по виртуальной панели.

– Неполомки в системе тяги, капитан. Причины неизвестны.

Феликс ощутил, как ледяная рука страха сжала его сердце. Луна, их спасительная гавань, маячила в иллюминаторе подобно призрачному оку.

– Цитрус, ты выходил из кабины, когда я спал? – в голосе Феликса зазвучали нотки паранойи. – Ты искал неисправность?

Гуманоид замер, его совершенное лицо оставалось непроницаемым.

– Я проводил плановое обслуживание, капитан. Стандартная процедура.

– Стандартная? – Феликс с подозрением взглянул на напарника. – Интуиция предостерегает меня об опасности. Мы возвращаемся на лунную базу, – Сурдин твёрдо произнёс своё решение.

– Но капитан! У нас жёсткий график. Мы не можем без согласования с куратором вернуться! – напомнил Цитрус, а в его голосе впервые прозвучало что-то вроде директивы.

– График подождёт, Цитрус. Моя жизнь – нет, – отрезал Феликс, глядя в бесстрастные глаза робота-гуманоида.

Решение было принято, как приговор. Челнок развернулся, и Луна, их единственный шанс на спасение, начала стремительно приближаться, пожирая собой чёрное полотно космоса.

Глава 2

Напряжение в кабине челнока возрастало. Феликс вцепился в рычаги управления. Каждый манёвр, каждое движение – танец со смертью, где малейшая ошибка грозила превратить их в пепел, развеянный по холодным просторам космоса.

– Держись, старина! – прорычал Феликс, обращаясь к себе. Его лицо, залитое багровым светом аварийных огней, напоминало маску самурайского воина, готовящегося к последней битве. «Через тернии к звёздам» – пронеслось в голове. Но в тот момент тернии казались непреодолимыми, а звёзды – далёкими и безразличными свидетелями их трагедии.

Посадка была жёсткой, точно удар кувалдой по наковальне. Челнок заскрежетал, задрожал и замер. В кабине воцарилась тишина, прерываемая лишь писком приборов. Феликс медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает его, как разжимается внутренняя пружина. В нём кипела злость на Цитруса, на его бездействие во время возвращения. Он повернулся к гуманоиду, готовый обрушить весь свой гнев, всю свою боль и разочарование. Но, взглянув в лицо напарника, Феликс замер. В глазах гуманоида отражалась какая-то странная, непривычная эмоция. Не сочувствие, не жалость, а что-то вроде... сожаления. И в этот момент Феликс понял: Цитрус сделал это не случайно. Он, как искусный шахматист, пожертвовал пешкой, чтобы выиграть партию. Он поставил под угрозу их жизни, чтобы спасти его душу... Но это чистый бред!

Застыв в замешательстве, Феликс силился разгадать тайну, написанную на лице гуманоида. В этом бездушном сплаве органики и металла вдруг проступило нечто, напоминающее отблеск человечности. Сожаление? Нет-нет... Сострадание! Неужели эта холодная машина

способна на такую сложную, такую болезненную эмоцию? Он вспомнил все необъяснимые решения Цитруса, все рискованные манёвры, которые казались ему предательством. Но теперь он видел не холодный расчёт, а отчаянную попытку вырвать его из цепких лап отчаяния. «Любовь долго терпит, милосердствует...», – всплыли в памяти слова древней мудрости. Феликс отвернулся, уставившись в мутное стекло иллюминатора. Лунный пейзаж, серый и безжизненный, казался отражением его собственной души. Он ощутил себя измождённым, выпотрошенным, будто холщовый мешок, из которого высыпалось всё зерно.

– Что наша жизнь? Игра! – прохрипел он. – Добро и зло – лишь маски и личины!

И сейчас он понимал, что Цитрус сорвал с него маску самообмана, заставив взглянуть в лицо своим демонам.

Тишина в кабине давила на барабанные перепонки. Феликс хотел что-то сказать, что-то сделать. Но слова застревали в горле, а тело отказывалось подчиняться. В этот момент к нему пришла мысль, что настоящий подвиг – это не полет к звёздам, а умение простить, умение увидеть в другом, даже самом чудовищном создании, искру божью.

Гуманоид вряд ли чувствовал переживания, накрывшие Феликса. Ему нужны слова, жесты, мимика человека, чтобы мгновенно сделать фоторобот души, изучить его, прогнать по шаблонным алгоритмам и получить результат, как приговор. Поэтому он молчал и с выжидающим смотрел на своего капитана. А Феликс, сомневаясь в своих чувствах и догадках, глубоко вздохнул и начал с шуток.

– На Луне посадка мягче в четыре раза, чем на Земле.

Цитрус молчал, превратившись в каменного истукана. Возможно, он ждал другой реакции человека, бури эмоций, но получил лишь жалкие искры юмора, гаснущие в ледяной пустоте непонимания.

К «Страннику 173» подъехали ремонтные луноходы, обступили роем и занялись диагностикой всех систем транспортного челнока, копаясь в его внутренностях, напоминая патологоанатомов, изучающих тело умершего. Несколько подъёмников растянули над челноком сеть из сверхпрочного волокна, защищая от возможного падения микрометеоритов. Феликс отправился на базу рядом с добывающей станцией, находящейся в лунной лавовой трубке, а Цитрус остался с командой роботов–гуманоидов тестировать работоспособность систем.

Начальник лунной базы, худой и хмурый Максим Бакаев, встретил Сурдина в своём куполообразном блоке, больше напоминавшем тюремную камеру. Встревоженный Бакаев был похож на человека, проигравшего в рулетку всё состояние.

– Что случилось, Феликс?

– Сбой системы подачи горючего! Ситуация была взрывоопасной, и я принял решение вернуться.

– Странно! Перед полётом мы всё проверили. У тебя есть предположение о причинах аварии?

– Ни одного! Мой нудный напарник провёл плановый осмотр через четверть часа после старта. Механизмы, системы и блоки были в норме.

Бакаев в задумчивости прошёлся по кругу.

– Попробуем разобраться после диагностики.

В кабинете повисла густая тишина. Бакаев застыл у иллюминатора, рассматривая в тысячный раз мертвенную пустыню Луны. Там блуждали его собственные тревоги, множась до размеров космической катастрофы.

– Что-то здесь не так, – сказал он. – Сбой системы – это лишь симптом, а болезнь кроется глубже.

Он повернулся к Сурдину, чьё лицо сейчас было серым и измученным.

– Феликс, – Бакаев произнёс его имя с надломом, – ты уверен, что ничего не упустил?

– Не знаю, Максим, – неуверенно сказал он. – Я сделал всё, что мог.

В его голосе слышалась нервная дрожь, едва уловимая, но достаточно красноречивая, чтобы зажечь искру сомнения в голове начальника базы.

– Всё, что мог, – повторил задумчиво Бакаев.

Им предстояло понять, что или кто стоит за этим сбоем, и Бакаев чувствовал, что Сурдин готов раскопать правду, даже если для этого придётся перевернуть всю Луну.

– Ладно. Давай пить кофе.

Аромат напитка, терпкий и бодрящий, заполнил тесное помещение. Бакаев с неизменной хмуростью, больше похожей на маску вечной усталости, нежели на проявление характера, наблюдал за Сурдиным, когда тот сделал первый глоток.

– Ну как? – спросил он.

Сурдин отставил чашку и благодарно кивнул.

– Отменно, Максим! Настоящий нектар богов в этой лунной обители! – в его словах звучала искренность, но Бакаев, прожжённый жизнью на этой каменистой планете, умел читать между строк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.